

М. О. Ганина

студентка группы 27Ф1301

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

**СЦЕНОГРАФИЧЕСКИЕ РЕМАРКИ «УСАДЬБА»
И «САД» В СТРУКТУРЕ ПЬЕСЫ Е. Л. ШВАРЦА
«ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО»**

Ключевые слова: драматургия XX в., контекст, «дополнительное содержание» слова.

Пьеса Е. Л. Шварца «Обыкновенное чудо», впервые показанная в 1956 г. на сцене московского Театра-студии киноактера, уже более полувека выдерживает множество переизданий и постановок. К тексту пьесы неоднократно обращались режиссеры и сценаристы всего мира. Однако, несмотря на интерес исследователей советской драматургии середины XX в. к наследию Шварца, эта область культуры остается малоизученной.

Начальные лексемы текста пьесы «Обыкновенное чудо» в ремарке, описывающей сценографию первого действия, обращают внимание читателя на место, в котором начинают разворачиваться события произведения. Представляется интересным выбор автором обозначения для пространства, занимаемого Волшебником и его женой, — «усадьба в Карпатских горах» [4, с. 531]. Шварц акцентирует внимание на слове «усадьба», повторяя его в ремарке дважды, второй раз — при характеристике героя — «хозяин усадьбы» [Там же, с. 531]. В первой реплике героя это словосочетание озвучивается, пространство получает качественную характеристику: «Нельзя хозяину отличной усадьбы в горах реветь зубром, нет, нет!» [Там же, с. 531].

Толковый словарь дает такое определение слову «усадьба» — «отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодами»

[3, с. 838]. Далее в пьесе говорится о том, что владения Волшебника включают дом, некоторые надворные постройки (курятник, амбар), сад. Рядом с усадьбой находится поляна у шумного ручья, лес, по которому Хозяин передвигается уверенно и свободно, как по своей собственности. Казалось бы, для обслуживания такой территории необходимы слуги, помощники, но герои живут уединенно, замкнуто.

Термин «усадьба» близок словам «сад», «садить». Ганс Биндерманн, немецкий специалист в области символики, характеризует сад как представление об ирреальном пространстве, заключающем в себе идею защищенности и отделенности от всего мира. Он отмечает его рукотворную природу, зависимость от чужой воли. «Искусственно обустроенный и обихожанный участок природы. “Райский сад” указывает на Творца, поместившего первого человека в пространственно обозначенном, безопасном месте. В более древние эпохи картина “сада Гесперид” символически отображала совокупность представлений о некоей блаженной потусторонности» [1, с. 232]. Жизненное пространство Волшебника и его жены можно назвать сакрализованным, искусственно выделенным из обыденности.

На своей территории герой является именно Хозяином, берущим на себя роль Творца, вершащего подвластные ему судьбы и изменяющего привычный уклад вещей. Наколдовать цыплятам в курятнике генеральские усы, превратить, идя как-то по лесу, медведя в человека — действия одного порядка. Герой свободно распоряжается своим пространством, меняя состав действующих в нем лиц, как драматург в пьесе. «Я сделал так, что один из королей, проезжающих по большой дороге, вдруг ужасно захотел свернуть к нам в усадьбу!» [4, с. 535] — говорит жене Волшебник, приведя в движение множество персонажей. Король безошибочно называет владения Хозяина усадьбой, а не именем, например, или особняком. «Мне, сам не знаю почему, ужасно понравилась ваша усадьба» [Там же, с. 536].

Лексема «сад» теряет свое сакральное значение, в реплике Короля поставленная автором пьесы в один ряд с темницей и площадками для игр. «Разрешите погостить у вас, пока мы не построим замок со всеми удобствами, садом, темницей и площадками для игр» [Там же, с. 540]. В таком случае слово однозначно, по «Толковому словарю» — всего лишь «участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами» [3, с. 692]. По отношению же к саду Волшебника уместно

и второе значение слова — «в некоторых названиях: учреждение, коллекционирующее, разводящее и изучающее растения, животных» [3, с. 692]. Исследовательская, творческая деятельность Хозяина становится основной силой, влияющей на окружающую его действительность, природа зависима от его желаний и планов.

Если в первом действии пьесы указан вполне определенный топос, усадьба в Карпатских горах, то сценография третьего действия отличается отсутствием конкретного указания на место финала произведения. В ремарке дается такое описание — «сад, уступами спускающийся к морю. Кипарисы, пальмы, пышная зелень, цветы. Широкая терраса» [4, с. 578]. Это пространство уже не просто «садик», прилегающий к владениям Волшебника, а необозримая величина, имеющая неопределенную протяженность. В последних строках пьесы, после превращения короля «прозрачное облачко, тая, пролетает через сад» [Там же, с. 590]; Принцесса, ожидая либо смерти, либо возвращения Медведя, «вглядывается в глубину сада» [Там же, с. 586].

Швейцарский психоаналитик первой половины XX в. Эрнст Эппли, касаясь вопросов восприятия символики пространства при разработке теории глубинной психологии, писал о том, что сад — «место роста, место, где холятся и лелеются переживания внутренней жизни. Это — символическое выражение длительного душевного развития» [1, с. 232]. Душевная жизнь Принцессы на протяжении всего произведения претерпевает серьезные изменения. Последним испытанием для нее становится близость смерти, которая свободно может передвигаться по саду.

По словам Д. С. Лихачева, «сад» в мировой культуре — «это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. Сад поэтому представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом» [2, с. 11]. Такая характеристика больше соотносится с образом сада в третьем действии, природа сада в нем прямо не подчинена Хозяину. Медведь проходит через сад, преодолевая препятствия, чинимые Волшебником, а смерть, подходя близко к Принцессе, все же отступает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.
2. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие, 1998. 465 с.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
4. Шварц Е. Л. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2011. 1131 с.